

Мемуары князя Адама Чарторыжского являются одним из главных источников для истории царствования Александра I.

В них содержатся подробные сообщения о некоторых важных моментах из жизни Александра Павловича, свидетелем и участником которых был только один князь Адам. Уже это обстоятельство придаёт мемуарам Чарторыжского первостепенное значение. Но, кроме того, мы находим в этих мемуарах немало интересных характеристик и фактических данных, которые в своей совокупности слагаются в обширную и яркую картину правительственной политики, придворных отношений и общественной жизни верхних слоёв столичной аристократии в России первой четверти XIX столетия.

Личная судьба автора мемуаров, несомненно наложившая глубокую печать на изложение его записок, была богата знаменательными перипетиями. И семейные традиции, и непосредственные впечатления молодых лет рано сделали из князя Адама сознательного последователя польской патриотической идеи.

Род Чарторыжских издавна играл выдающуюся роль в политической жизни Речи Посполитой. В XVIII столетии Чарторыжские заняли первостепенное положение в своей стране и развернули энергичную деятельность, направленную на подготовку коренных преобразований в государственном строе Польши. Они полагали при этом, что их реформаторские усилия всего вернее достигнут цели при поддержке России, Австрии и Англии, и в этом отношении Чарторыжские резко

расходились с другой партией, предводимой Потоцкими и опиравшейся на Францию, Швецию и Турцию.

Отец князя Адама, Адам Казимир Чарторыжский, являлся видным представителем фамильной политики своего рода. Влиятельность его положения обуславливалась и его происхождением, и его службой, — он занимал должность генерала Подолии, — и его колоссальным богатством: он был женат на Изабелле Флемминг, наследнице обширнейших владений. Ставилась даже его кандидатура на польский престол, но он сам снял свою кандидатуру в пользу Станислава Понятовского.

Разделы Польши разбили патриотическую мечту Чарторыжских. Польское государство перестало существовать прежде, чем удалось провести столь давно намеченные государственные реформы, которые должны были влить новые силы в государственный организм Речи Посполитой и обеспечить стране дальнейшее независимое развитие.

Эта страшная для польских патриотов пора совпала с первыми шагами князя Адама на политическом поприще. Двдцатилетним юношей он принял участие в последней борьбе за государственную самостоятельность родины.

Князь Адам родился в 1770 году. Родители усиленно заботились о его образовании, для довершения которого послали его в продолжительное путешествие по Европе, причём особенно важное для него значение получило пребывание в Англии, где он серьёзно изучал конституционные учреждения. Чарторыжский вернулся в Польшу перед самой войной, приведшей ко второму разделу. Он принял участие в военной кампании и получил в ней боевое крещение. По окончании войны князь снова уехал в Англию. Восстание Костюшки вызвало его на родину. Он спешил присоединиться к соотечественникам, чтобы во второй раз обнажить оружие против русских. Но по дороге был арестован агентами австрийского правительства.

Во время третьего раздела Польши обширные имения Чарторыжских были конфискованы Екатериной Второй, а когда затем начались переговоры о снятии секвестра, Екатерина поставила условием присылку в Петербург в качестве заложников князя Адама и его брата Константина.

Так, неожиданные повороты изменчивой судьбы привели князя Адама к берегам Невы. Там его ожидала ещё большая неожиданность. Грустная доля заложника, почти пленника, вдруг сменилась заманчивым положением интимного поверенного душевных тайн того великого князя, которому вскоре суждено было сделаться российским императором. Последовавшее затем воцарение Александра и превратило князя Адама в русского вельможу, наиболее приближенного к ступеням трона.

Начав политическую карьеру с обнажения оружия против России, князь Адам прихотливую властью судьбы был поставлен в такое положение, которое сделало из него на много лет продолжателя фамильной политики его рода. Эта политика, как известно, сводилась к стремлению использовать в интересах Польши связи с русским правительством. Предки князя Адама думали найти в этих связях опору для оздоровления и укрепления Польши при помощи своевременных реформ её внутреннего строя. При содействии России они мечтали предотвратить падение самостоятельности Польши, и жизнь развила эту эфемерную мечту.

Теперь князь Адам ставит себе задачей использовать свои дружеские отношения с императором Александром Павловичем для восстановления уже уничтоженного самостоятельно польского королевства. Александр I подал князю Адаму серьёзный повод к подобным надеждам. Во имя этих надежд князь Чарторыжский после смерти Павла по первому же вызову Александра примчался в Петербург из Италии, где по воле Павла состоял послом при Сардинском дворе. Теперь он вошёл в состав приближенных нового императора и в этом качестве принял деятельное участие в так называемом неофициальном комитете, в котором обсуждались преобразовательные планы нового правительства.

В 1803 году Александр I назначил князя Адама попечителем виленского учебного округа. Это назначение имело, конечно, весьма важное значение для князя в связи с его польскими планами. Вскоре князь Адам был поставлен во главе министерства иностранных дел, вместо ушедшего на покой князя Воронцова. Чарторыжский откровенно указал императору на то, что он может направлять внешнюю политику Рос-

сии не иначе, как в согласии с интересами Польши, как он их понимает. Таким образом, Чарторыжский вёл свою линию открыто и начистоту.

Император Александр I, тем не менее, спокойно передал Чарторыжскому министерский портфель. Борьба с Наполеоном была уже решена в уме императора, и содействие Чарторыжского было ему очень важно, так как последний в это время как раз мечтал о том, что Польша может всего удобнее получить известные преимущества и выгоды именно под шум борьбы европейской коалиции с Наполеоном.

Но Александр при этом был далёк от того, чтобы поддаваться влиянию Чарторыжского. Накануне борьбы с Наполеоном Александру нужно было заручиться сочувствием Польши, и потому он поставил поляка во главе русской дипломатии и ещё более подчеркнул свои симпатии к Польше демонстративным посещением Пулав — главной резиденции семьи Чарторыжских. И, однако, тотчас же вслед за тем Александр не менее демонстративно посетил прусского короля и выказал самое живое расположение к сближению с Пруссией, что совершенно уже не входило в планы Чарторыжского. Как бы то ни было, эпоха участия России в коалициях против Наполеона составила пору наиболее тесной близости Чарторыжского к русскому императору. Тильзитский мир резко нарушил эту близость.

В 1807 году Чарторыжский оставил пост министра иностранных дел, а в 1810 году навсегда покинул Петербург и сосредоточил свою деятельность исключительно на управлении виленским учебным округом. Однако Александр не упускал из виду князя Адама, ведь Александр никогда не смотрел на тильзитский договор с Наполеоном как на прочное соглашение. То была лишь временная передышка перед дальнейшей решительной борьбой, и, готовясь к этой борьбе, Александр отлично понимал, какую важную помощь может ещё оказать ему князь Адам по отношению к Польше. Польский вопрос представлял в это время одну из самых тяжёлых гирь на весах взаимных отношений России и Франции. Наполеон стал кумиром большей части польского общества. От него ждали возрождения Польши. В секретных переговорах с Наполеоном Александр усиленно настаивал, чтобы Наполеон обнару-

довал категорическое заявление о том, что Польша никогда не будет восстановлена. И в то же время Александр старался расположить поляков в свою пользу, давая им заманчивые обещания. Для этой-то последней цели ему и понадобился вновь князь Чарторыйский.

Из этих проектов, в обсуждении которых князь Адам не замедлил принять деятельное участие, ничего не вышло. Наполеон двинулся на Россию, и Польша восторженно встретила его армию. В эпоху Венского конгресса князь Адам снова появляется на политической сцене в качестве советника Александра по делам Польши. Дело шло о создании Царства Польского, связанного с Россией персональной унией и получающего самостоятельную конституцию. Князь Адам не мог остаться в стороне от этого важного дела, столь отвечавшего основам его программы: он все ещё верил в возможность создать самостоятельную Польшу при помощи и под эгидой России. В устройство Царства Польского он вложил много заботливого и настойчивого труда. В Польше считалось уже почти решённым, что ему будет предоставлен пост наместника в Царстве. Он сам лелеял эту надежду. Но ей не суждено было сбыться. Он получил лишь место сенатора и члена административного совета. С этого момента наступает окончательное охлаждение между Александром и князем Чарторыйским.

В 1823 году князь был освобождён от должности попечителя виленского учебного округа. Он замкнулся в своих Пулавах и предавался научно-литературным занятиям. Последующие события ещё несколько раз вызывали его из кабинетного уединения на политическую арену. Но теперь он выступал на этой арене уже в иной роли: не в качестве посредника между польской нацией и русским престолом, — для такого посредничества не было более почвы, а в качестве одного из организаторов направленных против русского владычества польских движений.

В 1825 году князь Адам по званию сенатора принял участие в суде над членами польских тайных обществ, суде, который окончился полным оправданием всех подсудимых. Когда в 1830 году вспыхнуло польское восстание, князь Адам, хотя и не верил в возможность какого-либо успеха, тем не менее,

принял пост президента сената и национального правительства. После подавления восстания князь Чарторыжский эмигрировал сначала в Англию, а затем поселился на весь остаток жизни в Париже. Он прожил ещё около тридцати лет. Все эти годы он посвятил заботам о польских эмигрантах: оказывал нуждающимся из их среды широкую материальную помощь, основывал школы и приюты для их детей и тому подобное. В то же время он зорко следил за ходом политических событий, подстерегая удобный момент для нового возбуждения вопроса о восстановлении самостоятельности Польши.

Особенно воспрянул он духом в 1855–1856 годах, когда в связи с восточной войной, по его мнению, создавалось политическое положение, благоприятное для видов Польши. Он мечтал о том, чтобы добиться для Польши самостоятельного представительства на парижском конгрессе, на тех же правах, на которых туда был допущен представитель Сардинии. Был момент, когда эта мечта, казалось, уже готова была осуществиться. Но, в конце концов, этот план не увенчался успехом.

Чарторыжскому было уже за девяносто, когда разразилось польское восстание 1861–1862 годов. Несмотря на глубокую старость, он снова обнаружил энергичную деятельность. Теперь она была направлена на то, чтобы подготовить вмешательство европейских держав в русско-польскую распрю. Среди этих новых тревог и забот князя Адама Чарторыжского не стало. Этот беглый очерк политической карьеры Чарторыжского достаточно указывает на то, какой богатый материал для исторических мемуаров должен был накопиться у него в течение его долгой и многосодержательной жизни.

Конечно, изложение Чарторыжского не лишено личной окраски. Кое о чем он дипломатично умалчивает. Так, например, мы не находим в этих мемуарах ни малейшего намёка на романический характер отношений Чарторыжского к великой княгине Елизавете Алексеевне, супруге Александра Павловича. Эти отношения обрисованы в некоторых других мемуарах той эпохи и отчасти в письмах самой Елизаветы Алексеевны, изданных великим князем Николаем Михайловичем. Живя при дворе Екатерины в Царском Селе, Чарторыжский был очарован молодой великой княгиней и не скрывал своего обожания, а великий князь Александр, казалось, поощрял своего

друга на этом пути. Великая княгиня чрезвычайно тяготилась этим ухаживанием, не находя в нем ничего приятного для себя. Обо всем этом в мемуарах Чарторыжского нет ни слова, ни намёка.

Итак, мемуары Чарторыжского не являются полной и бесхитростной летописью его жизни. Он выбирает факты, ретуширует действительность. Его отзывы о лицах и событиях носят на себе несомненный отпечаток его политических симпатий и антипатий. При оценке его показаний необходимо учитывать тот угол зрения, под которым он наблюдал окружающую жизнь. Однако читатель его мемуаров поставлен при этом в благоприятные условия в том смысле, что Чарторыжский нисколько не старается затушевать своего личного отношения к описываемым явлениям, но, наоборот, с полной откровенностью и усиленно подчёркивает особенности своей точки зрения. При том же та оценка, которую Чарторыжский даёт событиям и лицам, сама по себе является для нас ценным историческим фактом, хотя бы мы и не всегда были с нею согласны по существу.

Мемуары Чарторыжского — не только собрание различных исторических эпизодов — это исповедь польского патриота, проведшего всю жизнь в мечтах и заботах о восстановлении политической самостоятельности своего Отечества, и мемуары, вышедшие из-под его пера, показывают нам в каких красках представлялись настроенному таким образом человеку русская жизнь и люди, стоявшие во главе ее, в конце XVIII и в начале XIX столетия. В этой книге все интересно и важно для историка, — и сообщаемые автором факты, и сам автор в его суждениях об этих фактах. Среди мемуарной литературы, относящейся к началу XIX столетия, эта книга занимает, бесспорно, видное место.

А. Кизеветтер
(1866–1933)

Глава I

1776—1787 гг.

Первые годы детства. Семейные воспоминания

Воспоминания самых ранних лет моего детства не совсем ясно встают в моей памяти; как в пейзаже, в них есть места яркие, есть и теряющиеся в туманной дали. Всего яснее вспоминаю я из этого времени Розанку на Буге, её старый каменный дом, в котором когда-то жили Потей и под которым было множество разных подземных ходов, где они устроили погреба с превосходными старыми винами.

Это было в 1776 году. Мой отец, тогда командир гвардейского литовского полка, привёл свой полк на лето в Розанку, чтобы подготовить его там к военным манёврам, которые он хотел ввести в Польше. Для этой цели он выписывал хороших солдат из Пруссии, а также посылал туда наших молодых людей на выучку.

Я помню палатки, разбитые на газоне двора, и офицеров гвардии, собиравшихся в них к обеду. Помню также полкового священника, бернардинца. Это был человек высокого роста, умевший вызывать к себе расположение офицеров, которые любили шутить с ним.

Гетман Браницкий, давнишний близкий друг моего отца, посетил Розанку. В то время гетманы снова пользовались всем своим прежним значением, и Браницкий был принят со всеми официальными почестями, не говоря уже о гостеприимстве, оказанном ему в нашем доме.

Весь полк был одет в парадную форму и казался мне целой армией, несмотря на то, что состоял всего из двух батальонов.

как ни велико было её влияние на отца, она не могла помешать этому браку, который считался всей семьёй очень выгодным.

Спустя некоторое время мать совершенно оправилась от этой болезни и вскоре сделалась замечательной красавицей.

Главное здание в Вольчине было деревянное, другие же постройки каменные. Я вспоминаю там портреты Карла XII, Августа II, Понятовского, отца короля. Был там и огромный сад, разделённый длинным, широким каналом, в конце которого стояла статуя Нептуна со всей его свитой, во французском стиле, столь модном в то время, в подражание версальским садам.

В Вольчине бывали блестящие собрания, играли и ставили разные пьесы. Однажды были устроены гонки на воде. Мужчины, в подходящих к этому случаю костюмах тритонов, бросались в канал; среди них особенно выделялся генерал, граф Брюль.

Мать учила меня французскому языку. Как-то раз задала она мне выучить наизусть прочитанный мною вместе с ней отрывок из Расина, в котором Митридат открывал своим детям свой замысел против римлян. О, эти стихи! Никогда я не мог забыть их, и вот почему. Мы часто предпринимали шумные, веселые и очень приятные прогулки в Рымчай. То была деревня, лежавшая в окрестностях нашего имения, с чрезвычайно живописным источником. Мать любила украшать это местечко. Так как я не выучил заданного урока, то меня оставили дома, к большому моему огорчению.

В обширных садах Вольчина водилось много ланей. Когда однажды я гулял по саду с Буасси, на меня набросился олень, повалил на землю и готовился было ударить рогами, но Буасси прибежал на помощь и палкой отогнал животное.

Мне припоминается также доктор Гольц, не разлучавшийся никогда с моим отцом, и один молодой женевец по имени Люиллье, учитель математики, дававший мне уроки бесперывно в течение десяти лет.

В моей памяти встаёт также Немцевич, уже тогда посещавший наш дом, и мне помнится, как, танцую с моей стар-

шей сестрой, он поскользнулся и упал во время мазурки. Мои сестры, бывшие старше меня, казались мне тогда уже совсем взрослыми девицами; они играли на рояле и должны были принимать гостей.

Самым близким нашим соседом был Клокоцкий, живший в Сычиках, к которому мы часто ездили в гости по вечерам. У него был огромный пруд; в пруду водилось много рыбы: на звон колокольчика рыбы выплывали, и мы бросали им хлеб в воду. Княжнин упоминает об этом в своих стихах.

Войцех Клокоцкий и его жена были настоящие представители польского общества старых времён, он — с его закрученными вверх усами, она — с лицом сплошь покрытым мушками. Сын их впоследствии очень долгое время постоянно бывал и обедал в нашем доме.

Мои первые воспоминания о Варшаве представляются мне как-то смутно.

Меня сильно поразила смерть князя канцлера, повлекшая за собой траур всего Голубого дворца. Моё внимание в особенности было привлечено тем, что все во дворце оделись в чёрное.

Я помню также стыд и огорчение, которое я испытал однажды, когда, желая оправдаться в одном каком-то проступке, я свалил свою вину на прислугу, курьера, которых тогда обыкновенно держали во дворцах. Курьер этот, по имени Антон, был слишком толст и негоден для своей службы. Его привели ко мне, одетого в овечью шкуру, и он стал упрекать меня, что из-за меня его выгнали со службы. Я сознался в своей вине, и только позже мне пришла в голову мысль, что это была простая комедия. Тем не менее, случай этот был для меня очень полезен.

В это время я сильно заболел. У моего деда было несколько врачей, между ними один, по имени Барт: все они приговорили меня к смерти.

Мать бросилась перед ними на колени, умоляя их продолжать лечение, но ни один из них не хотел взять на себя ответственность за применение крайних средств. Тогда маршал Ржевуский, друг моих родителей, привёз доктора Беклэра, придворного врача короля Станислава-Августа, и он спас меня.